

Судьбой дарованные встречи

Серафима Бирман. «Судьбой дарованные встречи». Издательство «Искусство». 1971. 358 стр. 1 руб. 71 коп.

СУДЬБОЙ ДАРОВАННЫЕ ВСТРЕЧИ

ТАК поэтично называется книга известной советской актрисы Серафимы Германовны Бирман, написанная ярко, взволнованно.

Серафиме Германовне пришлось работать с великими актерами и режиссерами современности — К. С. Станиславским, его соратниками В. И. Немировичем-Данченко и Л. А. Сулержицким. А. М. Горький писал ей о том, как надо искать подход к пьесе «Васса Железнова». Она проводжала в последнюю дорогу Е. Б. Вахтангова. Вместе с И. Н. Берсеневым, С. В. Гиацинтовой испытывала счастье творческих побед в «Чудаке» А. Афиногенова, «Так и будет» К. Симонова и многих других спектаклей.

Существует много воспоминаний о К. С. Станиславском. С. Бирман пишет о нем по-своему, сообщает новые ценные факты, эпизоды из жизни великого художника, реформатора театрального искусства.

«Всегда при нем была записная книжка, всегда стремился он задерживать мелькнувшую мысль, стреножить непокорную буквенными начертаниями, не позволить ей, ночевой, ускользнуть, не оставив следа».

И дальше читаем у С. Бирман: «Умирающий, в забытьи, он не расставался с чемоданчиком, где лежали его заветные рукописи. Он отвоевывал у смерти время, чтобы доказать все им передуманное, перечувствованное, для него уже несомненное, а иногда и только-только им предугадываемое».

В книге о театре, о жизни актеров мы находим прекрас-

ные мысли о назначении человека, счастье жизни на земле, и это делает страницы повествования еще глубже.

«Только проникнутое светлой и могучей мыслью, — пишет С. Бирман, — только реалистическое, мужественное и действительное искусство сцены по его — Станиславского — вере достигает поэтической власти, возвышает мысль и чувства людей зрительного зала, долга сжигая человеческую скверну».

«Долга сжигая человеческую скверну... Замечательно выражено в этих словах великое назначение искусства!»

Мыслью о том, что искусство — святое дело, проникнута вся книга С. Бирман. По сути дела, иначе и не могло быть, ибо служению искусству была подчинена вся жизнь актрисы: книга — как бы слепок с этой жизни. А один из самых главных светильников в ней — оптимизм. Какую великую силу сообщает человеку оптимизм! Так в самом начале книги восклицает Серафима Германовна, — и ведь именно это чудесное свойство придает всему советскому искусству огромную революционизирующую, преобразующую силу.

Высокое назначение искусства...

Когда С. Бирман получила письмо А. М. Горького с высказываниями о том, как надо играть, по его мнению, пьесу «Васса Железнова», то восприняла письмо как разрешение на творческую жизнь в образе Вассы.

«Васса Железнова», — пишет актриса, — самое большое событие моей сценической жизни, да и самую жизнь свою на сцене делю я надвое: до Вассы и вместе с Вассой, с моей Вассой».

С. Бирман имеет право так написать, потому что ее выступление в роли Вассы воспринималось как событие. Васса такая, что в ней возможно невозможное. Развешивая ее как невероятную стяжательницу — это качество усиливалось в Железновой властным характером, могучей натурой, — актриса на какое-то мгновение открывала в ней тот далекий замурованный тайник. И в такое мгновение, мимолетно, Васса неосознанно пробуждается, в ней появляется желание уйти от этой страшной, съедающей душу и сердце власти денег. Но именно это мгновение, переданное актрисой и увлеченное зрителем, создавало с еще большей остротой ощущение неотвратимой гибели стяжательства, неизбежность гибели тех, кто попал в эти страшные сети. Так крошечный луч света, появляющийся среди мрака, лишь усиливает ощущение тьмы.

Рассуждая о подходе к траговне пьесы «Васса Железнова», С. Бирман утверждает, что верность драматургу не отнимает у актера права на свое толкование образа. Кровная связь с драматургом и полная свобода от него, замечает она, — условие действительного сценического творчества. В противном случае актер — только донладчик текста.

Страницы, посвященные работе с С. Эйзенштейном над ролью Ефросиньи Старицкой в фильме «Иван Грозный», на мой взгляд, интересны тем, что показывают всю мучительность, сложность поиска образа, характера средствами актерского искусства.

В книге неоднократно называются имена И. Н. Берсенева, С. В. Гиацинтовой. Мне посчастливилось на протяжении многих лет следить за творческой работой этих замечательных художников. Полностью разделяю восторг С. Г. Бирман по поводу того, какой большой удачей был спектакль «Чудак». С поразительной точностью, необычайно взволнованно, искренне прозвучал этот спектакль, воссоздавая ту атмосферу трудового энтузиазма, порыва, которая зарила в рабочих коллективах. Это была заслуга И. Берсенева, так же, как заслуга его, С. В. Гиацинтовой, С. Г. Бирман, В. Р. Соловьева был необычайно яркий творческий взлет Московского театра имени Ленинского комсомола — именно этот коллектив создал спектакли, в которых отразились великие события современности. Этот театр заново возродил и лучшие произведения отечественной и зарубежной драматургии.

Книга С. Бирман глубоко партийна. В ней, например, есть один эпизод, который стоит многих и многих рассуждений о партийности.

В Ленинграде ставили пьесу А. Афиногенова «Страх». На роль старой большевички Клары была намечена Е. Корчагина-Александровская. На провальной репетиции эта замечательная актриса потерялась из-за необычной обстановки: пьесу читали перед зрителями за столом, без грима, костюмов, света. Положение стало сложным — провал пьесы означал бы, что экзамен не выдержан.

Наступил день генеральной репетиции. Кульминация спектакля — сцена диспута, поединок профессора Бородина (Певцов) и Клары (Корчагина-Александровская). В этот момент напряжение в зале достигло предела. С. М. Киров, находившийся в театре, внимательно наблюдал за зрительным залом и актерами.

— А не подведет нас тетя Катя? — взволнованно спросил он.

Но Корчагина-Александровская так прочла монолог, что ей поверили, как подлинной большевичке.

— Молодчища! — тихо, с оттенком восхищения сказал Сергей Миронович.

Я с восторгом прочел эти строки воспоминаний, потому что в них сердечно, взволнованно выражена любовь одного из лучших сынов нашей партии к подлинному искусству и к подлинным художникам советского театра.

Читая книгу С. Бирман, я увидел в прекрасной актрисе новый талант — глубокого и вдумчивого летописца советского театрального искусства.

Н. МИХАЙЛОВ